

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. М. ЩЕРБАК

МЕТОДЫ И ЗАДАЧИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АФФИКСАЛЬНЫХ МОРФЕМ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

0. Прежде чем говорить о методах и задачах этимологического исследования аффиксальных морфем в тюркских языках, необходимо четко и определенно ответить на вопрос о том, осуществимо ли вообще такое исследование и, если осуществимо, то в каком объеме и какова степень его целесообразности. Сказанное, видимо, требует некоторых пояснений.

Постановка вопроса о возможности и целесообразности этимологических исследований в морфологии вызвана отнюдь не сомнениями в правильности высказанной еще В. В. Радловым мысли о развитии «формальной материи» (Formstoff) агглютинативных языков из содержательной (Inhaltsstoff)¹. Дело в том, что процесс лексической десемантизации слова при превращении его в морфологический элемент и развитие самого морфологического элемента связаны со значительной деформацией выразительной стороны, делающей почти невозможным установление ее первоначального облика, ср. узб. -jar — показатель формы настоящего конкретного времени < -a+jatip (keljapti 'он приходит в данный момент' < kela japti); узб. (диал.) -vza — личный показатель формы 1-го лица множественного числа прошедшего времени < -muz+-lar² (olduvza 'мы взяли' < oldumuzlar). Из цепи формальных преобразований, обычно не носящих характера закономерного и последовательного фонетического изменения, выпадают целые звенья, о существовании которых можно лишь догадываться. В самом деле, разве есть определенные, строго сформулированные правила «узнавания» того, что -(e)t в киргизском и чувашском и -ča в шорском языках в форме 3-го лица единственного числа настоящего времени (кирг. kelet, чуваш. kilet, шор. kelča 'идет сюда', 'приходит') являются «осколками» причастий turur и čadur (čatyr). Только благодаря сохранению в других тюркских языках и диалектах промежуточных форм тюркологи не задумываются над происхождением аффиксов -(e)t и -ča, ср. чуваш. kilet, узб. keladi, уйг. kelidu, ст.-узб. keladur ~ keladurur, карач.-балк. kele turady; шор. kelča, казах. kelip žatyr, kelatyr (< kele žatyr), уйг. диал. kiliwatadu (< kelip jata durur). При отсутствии же промежуточных форм редко удается проникнуть в истоки

¹ W. Radloff. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türk Sprachen. — «Записки Академии наук», VIII серия, VII. СПб., 1906, № 7, стр. 29 и сл. См. также: Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 50—54.

² См.: Я. Г. Гулямов. Грамматика ташкентского говора, I. Морфология. Ташкент, 1968, стр. 10, 112.

развития той или иной грамматической формы даже специалистам, хорошо владеющим методикой сравнительного исследования и эрудированным в области исторической фонетики и морфологии. Примечательны в этом отношении попытки этимологизировать аффикс множественного числа *-laq*, предпринимавшиеся многими крупными тюркологами и алтаистами: О. Бётлингом, В. В. Радловым, В. Бангом, Г. Рамstedтом, Т. Ковальским, К. Грэнбеком, Ж. Дени, Н. Поппе, К. Менгесом, Д. Синором, А. Дж. Эмре и другими. Тот факт, что было предложено более десяти разных этимологий аффикса *-laq* и что ни одна из них не является убедительной или хотя бы обнадеживающей, свидетельствует о больших объективных трудностях этимологического исследования аффиксальных морфем.

Господствующая тенденция формального преобразования морфологических элементов заключается в их упрощении, в стяжении до одного слога или одного звука. Ограниченность фонемного состава аффиксальных морфем, с одной стороны, и их весьма значительное количество — с другой, делают естественным и неизбежным широкое распространение аффиксальной омонимии, внутриязыковой и межъязыковой. Так, в карачаево-балкарском, кумыкском языках и в диалектах узбекского языка полностью совпадают аффиксы винительного и родительного падежей: карач.-балк., кум. *kolpu* 'руку' и 'руки', узб. (диал.) *otni* 'лошадь' и 'лошади'; в чувашском языке — аффиксы винительного и дательного: *xulapa* 'город' и 'к городу', а также варианты аффиксов исходного падежа и так называемой предельно-достигательной формы, не относимой к числу падежных³. Аффикс родительного падежа в азербайджанском языке (*-up*) омонимичен аффиксу творительного (орудного) падежа в древнетюркском языке, варианты аффикса местного падежа в салырском диалекте туркменского языка (*-za*, *-pa*) внешне не отличаются от аффикса направительного падежа в хакасском языке (*-za*) и аффикса винительного и дательного падежей в чувашском (*-pa*). Аффикс родительного падежа в киргизском языке (*-tyn ~ -dyn*) совпадает с аффиксом исходного падежа в староузбекском языке и в диалектах других тюркских языков, а один из вариантов аффикса исходного падежа в узбекском языке (*-pap*) — с одним из вариантов аффикса творительного (орудного) падежа в якутском. Имеются и другие аналогичные примеры. Значительно больше примеров неполного совпадения аффиксальных морфем и еще больше — примеров отдаленного сходства двух, трех и даже четырех аффиксов.

Случайное совпадение или сходство нескольких морфологических элементов, явившееся результатом их длительного преобразования, иногда воспринимается как изначальное, исконное и становится исходной точкой для этимологических разысканий. Прямое сопоставление лежит в основе многих этимологий В. Банга, большинство из которых не выдержало проверки временем. В гипертрофированной форме стремление сопоставлять морфологические элементы и этимологизировать их, исходя из очевидного или кажущегося внешнего сходства, нашло выражение в разработке универсальных⁴ схем развития морфемного состава. Пример — реконструкция Ф. А. Абдуллаевым единой праформы — самостоятельного слова для падежных аффиксов⁵ и для аффиксов принадлежности единственного числа (**çuŋ ~ *çin* 'тело', 'основа'), ср.:

³ См.: А. И. Иванов. Склонение и его роль в чувашском языке. — «Ученые записки [Чувашского] НИИ», XXXIV. Чебоксары, 1967, стр. 74, 75.

⁴ Универсальных главным образом в пределах парадигматических рядов.

⁵ Ф. Абдуллаев. Келишик аффиксларининг генезисига доир (учинчи макола). — «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари», 1962, № 4, стр. 57, 58.

- 1) at-čyη > at-syη > at-yη > at-ym 'моя лошадь';
- 2) at-čyη > at-syη > at-yη 'твоя лошадь';
- 3) at-čyη > at-syη > at-yη > at-y 'его лошадь'⁶.

После приведенных пояснений ответ на вопрос о возможности и степени целесообразности этимологического исследования аффиксальных морфем не представляет больших трудностей. Этимологические разыскания в области морфологии малоэффективны из-за того, что достоверность морфемных этимологий обычно не доказуема. Вследствие этого целесообразность сплошного, фронтального этимологического исследования аффиксов, наподобие исследования лексического состава, сомнительна. Вместе с тем не требует доказательств то, что морфологические элементы находятся на разных уровнях формального преобразования, что в диалектах и в родственных языках сохраняются промежуточные формы и что поэтому нельзя исключать достижения положительных результатов в отдельных конкретных случаях.

1. Переходя к вопросу о методах, следует прямо сказать, что универсальных приемов этимологического исследования аффиксальных морфем никогда не было, нет и не может быть, поскольку понятие фонетического закона, или вообще каких-либо закономерностей, к диахронической морфологии, как правило, не приложимо. Однако существуют частные методические приемы, используемые в большинстве своем стихийно для освещения истории преимущественно тех форм, происхождение которых кажется более или менее ясным. Конечно, невозможно в рамках одной журнальной статьи привести полный перечень таких приемов: они многочисленны и применяются в разных комбинациях. Поэтому ограничимся описанием некоторых из них и выскажем общие соображения о методике морфологического этимологизирования.

Совершенно очевидно, что для раскрытия истории аффиксальных морфем важное значение имеет учет их структурных особенностей, состава вариантов и выражаемых ими значений, а также выяснение типических линий развития в пределах каждого парадигматического ряда. Являются ли аффиксы односложными или двусложными, как соотносятся разновидности морфем с одинаковыми или близкими значениями в чисто формальном плане, что характерно для их содержания и каковы модели конструкций, лежащих в основе форм разных парадигматических рядов, — вот основные вопросы, которые, на наш взгляд, должны больше всего интересовать этимолога и от ответов на которые зависит результативность поисков.

Двусложные морфемы легче поддаются этимологическому анализу, чем односложные, и в большей степени, чем односложные, близки к самостоятельным словам, разумеется, если не являются сочетаниями односложных морфем. Достаточно взять аффиксы направительного падежа -tuwa ~ -tuwa ~ -duwa ~ -duwa, -kydu ~ -kudu ~ -yudu ~ -yudu в тувинском языке, аффикс направительного падежа в чувашском языке, аффикс сравнительного падежа -tāyar ~ -dāyar ~ -lāyar ~ -nāyar в якутском языке и аффикс исходно-начинательного падежа -tañār ~ -dañār ~ -pañār, встречающийся в качинском диалекте хакасского языка. Примеры: тув. *daɣduwa* 'к горе', *ottuwa* 'к огню'; тув. (тодж.) *daɣyudu* 'к горе'; чуваш. *värmanalla* 'к лесу', *otaralla* 'к пасеке', *kilelle* 'к дому'; якут. *xatyη tittēger bögö* 'береза прочнее лиственницы' (~ 'береза прочнее,

⁶ Ф. Абдуллаев. Келишик аффиксларининг генезисига доир. — «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари», 1961, № 5, стр. 31.

по сравнению с лиственницей'); хак. (качинск.) $kiziden\ddot{e}r$ 'от человека', $postan\ddot{a}r$ 'дальше от себя'. Прежде всего отметим, что согласно данным сравнительной грамматики тюркских языков приведенные формы являются общетюркскими и, следовательно, есть основания считать их вторичными, позднейшими. Далее, уместно упомянуть, что так называемые вторичные падежные формы часто образуются из послелогов или из сочетания первичных падежных форм с послелогом. Таким образом, нет оснований для принципиальных возражений против возведения $-tuwa \sim tuwa$ к послелогу $taba \sim tyba$ 'по направлению к'⁷, аффикса $-kudy \sim -kudu$ — к слову $kudu$ 'вниз'⁸ или $kudyu$ 'край', аффикса $-alla \sim -elle$ — к слову $al\ddot{a}$ 'рука' в форме дательного падежа⁹, аффикса $-t\ddot{a}yar \sim -d\ddot{a}yar \sim -l\ddot{a}yar \sim -n\ddot{a}yar$ — к сочетанию показателя исходного падежа с каким-то послелогом ($\ddot{a}yar?$)¹⁰ и аффикса $-tan\ddot{a}r \sim -dan\ddot{a}r \sim -nan\ddot{a}r$ — к сочетанию показателя исходного падежа с послелогом $and\ddot{a}r (> \ddot{a}r)$ 'туда, в сторону'¹¹.

Особенно важен в этимологических исследованиях учет вариантов аффиксальных морфем и их соотношения: варианты нередко отражают различные этапы диахронического процесса. Так, в хакасском языке и его диалектах выступают следующие разновидности аффикса направительного падежа — $-sa, -za, -s\ddot{a}, -z\ddot{a}, -sar, -zar$, ср. хак. (кызыльск.) $xarsa$ 'в мешок', $etse$ 'к мясу'; хак. (качинск.) $turaz\ddot{a}(r)$ 'к дому', $a\ddot{y}ass\ddot{a}(r)$ 'к дереву'; хак. (сагайск.) $turazar\ddot{y}, a\ddot{y}assar\ddot{y}$ ¹². Кроме того, в родственных языках встречается послелог $sary$ с аналогичным значением: «в сторону, в направлении», ср. ст.-узб. $ba\ddot{y} sary$ 'к саду', $da\ddot{s}t sary$ 'в степь', $Ka\ddot{b}yl sary$ 'в сторону Кабула'¹³; шор. $taj\ddot{y}\ddot{a} s\ddot{a}ra$ 'по направлению к тайге'. Ср. также в самом хакасском языке: хак. (качинск.) $tig\ddot{i} sarinda$ 'на той стороне', $sol sag\ddot{i}$ 'левая сторона'¹⁴. Сопоставление вариантов не оставляет сомнений в том, что аффикс $-sa \sim -za$ развился из послелога $sary$.

Что же касается содержания, то оно может быть использовано для этимологизирования в тех случаях, когда у аффиксальных морфем явно преобладает семантическая функция или, иначе говоря, когда выражаемые ими значения весьма конкретны. Здесь можно сослаться на этимологию аффикса-послелога $-\ddot{s}a$, в многообразии семантических оттенков которого хорошо прослеживается объединяющее значение предельности («до [чего-либо]», «размером со [что-либо]»), ср. ст.-узб. $mi\ddot{n}\ddot{c}\ddot{a}$ 'около тысячи', $bi\ddot{l}\ddot{a}k\ddot{s}\ddot{a}$ 'с кисть руки', $sen\ddot{c}\ddot{a}$ 'как ты'; карач.-балк. $alt\ddot{y}\ddot{s}\ddot{a}$ 'шестерка', $on\ddot{s}\ddot{a}$ 'десятка'; тув. $xem\ddot{s}\ddot{e}$ 'к реке'; узб. $to\ddot{y}\ddot{y}\ddot{a}\ddot{s}\ddot{a}$ ($to\ddot{y}\ddot{y}\ddot{a}-\ddot{s}\ddot{a}$)

⁷ См.: Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, стр. 140.

⁸ См.: З. Б. Чадамба. Тоджинский диалект тувинского языка. Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1970, стр. 16.

⁹ См.: Г. И. Рамstedt. Введение в алтайское языкознание. Морфология. Пер. с нем. М., 1957, стр. 56. И. Бенцинг видит в $-alla$ сочетание аффиксов дательного и «наречного» падежей ($-a+-lla < -la$). См.: J. Benzing. Tschuwaschische Forschungen (IV). Die Kasus. — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», 96, 3. Leipzig, 1942, стр. 454.

¹⁰ Подробно о различных этимологиях аффикса $-t\ddot{a}yar \sim -d\ddot{a}yar \sim -l\ddot{a}yar \sim -n\ddot{a}yar$ будет сказано в подготавливаемой нами к печати работе. «Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя».

¹¹ См.: Д. Ф. Патачакова. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка. — В сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков», IV. Баку, 1966, стр. 155. Ср.: Н. П. Дыренкова. Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология. Абакан, 1948, стр. 119.

¹² См.: Н. Г. Доможаков. Описание кызыльского диалекта хакасского языка. Автореф. канд. дисс. Абакан, 1949, стр. 9; Д. Ф. Патачакова. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка, стр. 157, 163.

¹³ См.: А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 193.

¹⁴ См.: Д. Ф. Патачакова. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка, стр. 153.

‘до горы’, ортача ‘средний’; хак. *şolza* ‘по дороге’, *adağza* [‘величиной’ с собаку’. Именно семантическая «выпуклость» аффикса *-ça* навела О. Бётлингга на мысль о связи его с послелогом *çakly* (*çak* ‘мера’, ‘время’ + *-ly*)¹⁵. Безусловно, определенную роль в этом сыграл также факт параллельного употребления в некоторых тюркских языках послеложного сочетания, ср. ст.-тур. *miñçä çaklyu*, ст.-узб. *miñ çaylyu* ‘около тысячи’; карач.-балк. *ağ çakly* ‘с месяц’, *zül çakly* ‘с год’; ст.-узб. *orta çaylyu* ‘средний’.

Если исходить из семантики, то это позволяет выделить как наиболее правдоподобное из существующих этимологических объяснений аффикса *-rak*¹⁶, основывающееся на сопоставлении последнего со словом-частицей или послелогом *arāk ~ arak ~ aruk*¹⁷ (реконструируемое лексическое значение — «чуть-чуть», «немного», «едва, почти»), ср. алт. *aγaryk* ‘беловатый’, *kögörik* ‘голубоватый’, *sargaryk* ‘желтоватый’, *kyzaryk* ‘красноватый’; тув. *ak arak*, *kök arak*, *saryu arak*, *kyzyl arak*; хак. *xuzyl arax*; шор. *ak-arak ~ ak-aryk ~ ak-arak ~ aγaryk*, *kök arak*.

Определение моделей конструкций, лежащих в основе форм того или иного парадигматического ряда, — широко распространенный способ этимологизирования аффиксальных морфем глагола. И это понятно, ибо многие временные, квазивидовые и другие глагольные формы восходят к перифрастическим образованиям, в которых первым компонентом выступают деепричастия на *-a* и *-(y)r*, а вторым — глаголы с частично или полностью утраченным лексическим значением (прежде всего *tur-*, *otur-*, *jür-*, *jat-*), сочетания с которыми оказались наиболее подверженными грамматикализации. Структура и состав перифрастических глагольных образований в тюркских языках хорошо известны, и это облегчает определение первоначального облика таких форм, как узб. и узб. (диал.) *kel(a)japti*, *kelwotti*, *kelutti* (<*kela jotip turur* или *kelip jotip turur*), кирг. *kelet* (<*kele turur*), уйр. *keliwatidu* (<*kelip jatip durur*), шор. *kelça* (<*kelip çadyr*) ‘идет сюда’, ‘приходит’. Довольно прозрачной на этом фоне представляется этимология туркменской диалектной формы настоящего конкретного времени типа *geljetir* (<*gele jatyr*) и турецкой типа *gelijor* (<*gele jürür*)¹⁸. Ср. также: чуваш. *anaträr ~ anappär* (<*ana tur-pär*) ‘мы спускаемся’¹⁹.

Наличие тенденции к обособлению некоторых перифрастических образований и развитию на их основе составной формы повелительного наклонения 2-го лица ед. числа вполне может пролить свет на историю формы типа *kelgil* ‘приди’ и заставить нас по-новому отнестись к неоднократно предпринимавшейся попытке сблизить аффикс *-yul ~ -gil* с глаголом *kul-* ‘делать’²⁰, ср. узб. (диал.) *ovog* (<*olip jubog*) ‘передай’, *etvor*

¹⁵ O. Böhlingk. Über die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. SPb., 1851, стр. 173. Ср.: Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка, стр. 53.

¹⁶ Подробное изложение этимологии аффикса *-rak* см. в работе: J. Eckmann. Türkçede *-raq, -rek* ekine dair. — «Türk dili araştırmaları yıllığı. Belleten». Ankara, 1953, стр. 51, 52.

¹⁷ См.: Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка, стр. 186.

¹⁸ См.: K. Foy. Azerbajjanische Studien mit einer Charakteristik des Südtürkischen. — «Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen», VI, Abth. II. Leipzig, 1903, стр. 159—160. Обзор литературы см. в работе: А. П. Поцелуевский. К вопросу о происхождении формы настоящего времени в тюркских языках юго-западной группы. Ашхабад, 1948, стр. 5 и сл.

¹⁹ См.: Г. Е. Корнилов. Некоторые материалы для характеристики говора села Бердеш Зилаирского района Башкирской АССР. — В сб.: «Материалы по чувашской диалектологии», II. Чебоксары, 1963, стр. 142.

²⁰ См.: А. Сафароглу. Türkçemizdeki *-gil* ve *-gil* emir eki. — «Türk dili araştırmaları yıllığı. Belleten 1971», № 338. Ankara, 1971, стр. 9.

‘скажи’, ketvor ‘уйди’²¹; туркм. (диал.) bereyoj ‘дай’, gäleyoj ‘иди сюда’²²; кум. ajtur jiber-či ‘ну-ка, скажи’, tugur jiber-či ‘ну-ка, стой’²³. Правда, на пути указанного сближения имеется много препятствий, самое серьезное из которых — отсутствие фактов служебного использования глагола кул- в перифрастических образованиях, включающих деепричастия.

Нельзя забывать, что возникновение аффиксов не всегда происходило по формуле «самостоятельное слово > служебное слово > морфологический элемент». Нередко аффиксальные морфемы оказываются сложными, состоящими из двух или трех простых морфем. Разложение сложных морфем на простые вполне правомерно, но допустимо лишь при условии соблюдения всей строгости доказательств. Наблюдаемая в последнее время недооценка важности этого таит в себе опасность превращения этимологических поисков в занятие, научная ценность которого весьма сомнительна. В настоящее время ничто, кроме внешнего сходства, не дает повода рассматривать, например, аффикс множественного числа -lar как сочетание аналогичных по значению аффиксов -la и -г или -l и -г, аффикс дательного падежа -ka — как сочетание аффиксов -k и -a, аффикс исходного падежа -dan — как сочетание аффиксов -da и -п и т. п. Между тем разложение указанных аффиксов на составляющие их компоненты стало нередким в тюркологии и совершенно обычным в алтаистике приемом, «успешно» используемым в целях сближения разных по происхождению форм.

2. Несколько слов о задачах этимологического исследования аффиксальных морфем. Мы придерживаемся той точки зрения, что этимологизирование аффиксов не является самоцелью и что оно может быть оправдано лишь постольку, поскольку будет подчинено задачам сравнительно-исторического изучения родственных языков. К этимологическим разысканиям приходится обращаться как к вспомогательному приему получения информации о древнем состоянии форм, когда применение сравнительного метода оказывается почему-либо малоэффективным. И хотя восстановление архетипов посредством этимологизирования значительно уменьшает степень достоверности полученных результатов, едва ли следует пренебрегать им.

3. Ниже нами предлагаются этимологии аффиксов исходного и направительного падежей. При этом мы считаем необходимым специально подчеркнуть, что эти этимологии не следует рассматривать как окончательные. Наши заключения — скорее рабочие гипотезы, а сам ход этимологических поисков весьма наглядно иллюстрирует то, о чем говорилось выше.

3.1. Аффикс исходного падежа представлен более чем тридцатью вариантами²⁴, объединяемыми в следующие группы: I. -dan ~ -don ~ -dan ~ -tan ~ -ton ~ -nan ~ -non ~ -lan ~ -lon ~ -zan ~ -zon ~ -san ~ -son; II. -daŋ ~ -doŋ ~ -taŋ ~ -toŋ ~ -naŋ ~ -noŋ; III. -dyn (-din) ~ -dun ~ -tyn (-tin) ~ -tun; IV. -tan ~ -ttan ~ -ton ~ -tton; V. -dan ~ -tan ~ -ran; VI. -taj ~ -daj ~ -naj.

Варианты первой группы, все или некоторые, встречаются в кыпчакских и огузских языках, в тувинском и узбекском, варианты второй груп-

²¹ См.: А. Ф. Фуломов. Ўзбек тилида сўз яшаш йўллари ҳақида.—Труды Института языка и литературы им. А. С. Пушкина», I. Ташкент, 1949, стр. 41, 42.

²² См.: Х. Мухиев. Нохурский диалект туркменского языка. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1959, стр. 12.

²³ См.: Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка, стр. 53.

²⁴ Аффиксы даны в твердорядных вариантах, кроме тех случаев, когда разграничение их по признаку веларности—палатальности вообще не имеет места.

пы — в алтайском, хакасском и шорском, третьей — в древнеуйгурском, староузбекском и современном уйгурском языках, в говорах кумыкского и других тюркских языков, варианты четвертой группы — в якутском, пятой — в чувашском, шестой — в говорах узбекского языка.

Разнообразие согласных в начале аффикса исходного падежа вызвано в основном ассимилятивными процессами и не требует объяснения²⁵. Не совсем ясна причина изменения конечного *n* в *ŋ* в алтайском, хакасском и шорском языках. По мнению В. А. Богородицкого, это изменение происходило под влиянием родительного падежа, «с которым исходный имеет некоторые точки семасиологического соприкосновения»²⁶. Наличие вариантов с широким и узким нелабиализованными гласными — *-dan ~ -tan* и *-dun ~ -tun* — является отражением древних расхождений в огласовке данного аффикса²⁷. Варианты с дополнительным *t* после основ на гласный в якутском языке, как считал В. В. Радлов, первоначально появились в пределах падежной парадигмы местоимений вследствие ассимиляции конечного *n* местоименных основ начальным *t* аффикса исходного падежа²⁸. С. В. Ястремский, сравнивая якутские формы с древнеуйгурскими типа *menin* 'от меня', пришел к заключению, что первые образовались от формы родительного падежа (*-n > -t + -tan*)²⁹. Наиболее вероятно принадлежность формы на *-tan* к притяжательному склонению: «дополнительный» или «вставочный» *n* ассимилировался и вошел в состав падежного аффикса, затем форма притяжательного склонения получила статус простой (непритяжательной) формы³⁰.

Отсутствие автономной формы исходного падежа в памятниках русской письменности многие тюркологи восприняли как свидетельство ее позднего образования: из аффикса местного падежа *-da* и аффикса «модальности» *-n*³¹ (у Д. Синора и К. Г. Менгеса — древний урало-алтайский аффикс местного падежа или латива³²), из сочетания аффиксов местного и творительного (орудного) падежей³³, из сочетания аффикса местного падежа со словом *jan* 'сторона'³⁴ или же из послелога *adun* 'другой', 'кроме'³⁵. Иную позицию занял В. В. Радлов, не считавший от-

²⁵ Необычные изменения, ср. *d > n* в положении после гласного в башкирском языке, по-видимому, обусловлены сложными морфологическими ассоциациями. См.: Б. А. Серебренников. О двух случаях загадочного изменения звуков башкирского языка и его диалектов. — «Башкирский диалектологический сборник». Уфа, 1959, стр. 138.

²⁶ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, 2-е изд. Казань, 1953, стр. 159.

²⁷ По В. А. Богородицкому, и аффикс *-dun ~ -tun* — новообразование под влиянием родительного падежа (там же, стр. 159).

²⁸ W. Radloff. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türkisprachen. — «Записки АН», VIII серия, VIII. СПб., 1908, № 7, стр. 31.

²⁹ С. В. Ястремский. Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900, стр. 52.

³⁰ См.: Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, стр. 110.

³¹ См.: J. Benzing. Tschuwaschische Forschungen (IV). Die Kasus. — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», 96, 3. Leipzig, 1942, стр. 463. Ср.: W. Schott. Versuch über die tatarischen Sprachen. Berlin, 1836, стр. 57; Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка, II. Морфология. Казань, 1898, стр. 124.

³² D. Sinor. Un suffixe de lieu ouralo-altaïque. — «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», XII, 1—3. Budapest, 1961, стр. 177; К. Н. Менгеса. The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies. — «Ural-Altäische Bibliothek», XV. Wiesbaden, 1968, стр. 110.

³³ См.: N. Poppe. Türkisch-tschuwassische vergleichende Studien. — «Islamica», I, 4. Leipzig, 1925, стр. 421.

³⁴ См.: G. J. Ramstedt. Über die Struktur der altaischen Sprachen. — «Journal de la Société Finno-ougrienne», LV2. Helsinki, 1951, стр. 96; К. Каримов. Категория падежа в языке «Кутадгу билиг». Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1962, стр. 15.

³⁵ См.: W. Bang. Vorläufiges über der Herkunft des türkischen Ablativus. — «Ungarische Jahrbücher», V, 4. Berlin—Leipzig, 1925, стр. 392—410.

существование автономной формы исходного падежа в текстах рунической письменности изначально и вызвавший сомнения относительно ее связи с формой местного падежа.

Мы также склоняемся к последней точке зрения, находящей подтверждение в большом количестве фактов. Прежде всего необходимо иметь в виду, что употребление формы исходного падежа не исключено и в языке орхон-енисейских надписей, ср. *tašdyntan* 'снаружи', *oγuzduntan* 'от огузов'³⁶. Сам В. В. Радлов обратил внимание на то, что начальный дентальный в аффиксе исходного падежа в телеутском диалекте алтайского языка ассимилируется конечным согласным основы, тогда как в аффиксе местного падежа ассимиляции не происходит, ср. *māpnān* 'от меня', *kūpnān* 'от дня', *māndä* 'у меня', *kündä* 'в день'³⁷. О древности формы исходного падежа говорит ее наличие во всех современных тюркских языках. Еще одно: если бы форма местного падежа некогда совмещала функции местного и исходного падежей, пережитки функциональной синкретичности обязательно сохранились бы у нее и в настоящее время. В действительности же ни одно типичное значение формы исходного падежа (собственно исходное, исходное в смысле указания: на исходный материал; на то, с чем что-либо сравнивается; на причинно-следственные взаимосвязи; на то, что является орудием или посредником и т. д.) для формы местного падежа не характерно. Примечательно также, что среди вариантов аффикса исходного падежа равноправное положение занимает разновидность с узким гласным (-*dun* ~ -*tyn*), выступающая в древнеуйгурском, староузбекском, современном уйгурском языках, в говорах алтайского, башкирского, узбекского и других языков.

Учитывая все сказанное, мы, естественно, приходим к выводу, что в языке старописьменных памятников и в современных языках отразилось древнее диалектное совпадение формы исходного падежа с формой местного, происшедшее вследствие утраты конечного *n*.

Вопрос о том, как три варианта аффикса исходного падежа — *-dan* ~ *-tan*, *-dun* ~ *-tyn* и *-da* ~ *-ta* — развились из единого прототипа, пока не ясен. Есть уверенность лишь в одном: поиски должны производиться на уровне ранних этапов развития данной формы, так как многообразие вариантов обусловлено скорее всего особенностями ее происхождения. Это и есть тот случай, когда нельзя обойтись без этимологических поисков, хотя такие поиски, в силу изложенных выше обстоятельств, редко выходят за границы предположений и догадок. Имеющиеся в нашем распоряжении факты дают, например, основание думать, что прототипом различных вариантов аффикса исходного падежа было некое деепричастие **täjun* ~ **täjan* с реконструируемым значением «сторонясь», «оставляя в стороне» (ср. послелоги *tegin*, *sajun*, *tajun*, восходящие к деепричастиям от *teg-*, *saj-*, *tak-*) и что преобразование его происходило как в направлении стяжения (**täjun* > *-tyn* > *-tyn*; **täjan* > *-tān* > *-tan*), так и по линии утраты последнего слога (**täjun* ~ **täjan* > *-tā* > *-ta*).

3.2. Аффикс направительного, или направительно-дательного, падежа — *-γaγu* ~ *-kāγu* ~ *-yāγu* ~ *-kāγu* ~ *-γaγu* ~ *-kaγu* ~ *-yāγu* ~ *-kāγu* ~ *-γaγ* ~ *-kaγ*.

В собственном значении направительного падежа форма на *-γaγu* ~ *-kaγu*... наблюдается главным образом у существительных и только в

³⁶ См.: *T. Tekin. A Grammar of Orkhon Turkic.* — «Uralic and Altaic Studies», 69. Bloomington, 1968, стр. 133, 134.

³⁷ *W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge.* СПб., 1897, стр. 64.

древнетюркском языке. Во всех современных тюркских языках аффикс $-ya\dot{g}i \sim -ka\dot{g}i...$ встречается в составе наречий. В отличие от него аффикс $-ya\dot{g} \sim -ka\dot{g}$, присоединяемый обычно к местоимениям, часто присутствует не только в наречиях, но и в падежной парадигме, ср. кар. *apa\dot{g}* 'ему'; кум. *bu\dot{y}a\dot{g}* 'этому'; ног. (караног.) *ta\dot{y}a\dot{g}* 'мне', *sa\dot{y}a\dot{g}* 'тебе', *o\dot{y}a\dot{g}* 'ему'; тат. *mo\dot{q}a\dot{g}* 'этому', *a\dot{q}a\dot{g}* 'ему' и т. д. В якутском языке форма на $-ya\dot{g}$ входит в парадигму притяжательного склонения имени: *ayabu\dot{t}u\dot{y}a\dot{g}* 'нашему отцу', *ayau\dot{y}u\dot{t}u\dot{y}a\dot{g}* 'вашему отцу', *ayala\dot{g}u\dot{y}a\dot{g}* 'их отцу'.

В. В. Радлов рассматривал аффикс $-ya\dot{g}i \sim -ka\dot{g}i...$ как сочетание двух компонентов, аффикса дательного падежа $-ya \sim -ka$ и наречного аффикса $-gi$, и считал, что в таком виде он вначале использовался для образования наречий, а затем, будучи выделенным как нечто единое, приобрел функции показателя направительного падежа³⁸. По мнению Э. В. Севортяна, аффикс $-ya\dot{g}i \sim -ka\dot{g}i...$ образовался путем простого сочетания аффикса дательного падежа $-ya \sim -ka$ с другим падежным аффиксом $-ga \sim -gi$ ³⁹. По С. Дурану и Р. Р. Арату, аффикс $-ya\dot{g}i \sim -ka\dot{g}i...$ — результат переразложения глагольных образований, точнее, деепричастий (ср. *ta\dot{s}-y\dot{u}k-a\dot{g}-u > ta\dot{s}ka\dot{g}i*, *i\check{c}-ik-er-ü > i\check{c}ke\dot{g}ü*)⁴⁰, по Н. Х. Ишбулатову, — показатель древних причастных форм⁴¹, по Н. Каримову, — деепричастие от глагола *ka\dot{g}a-* 'смотреть'⁴². А. Боржаков, соглашаясь с тем, что первым компонентом рассматриваемого аффикса является показатель дательного падежа $-ya \sim -ka$, второй из них ($-gi$) сближается со словом *aga*⁴³. Н. П. Дыренкова и А. З. Абдуллаев возводят $-ya\dot{g}i \sim -ka\dot{g}i...$ к аналогичному по своему фонетическому облику самостоятельному слову *ka\dot{g}(u)* 'рука'⁴⁴.

Интерпретация аффикса $-ya\dot{g}i \sim -ka\dot{g}i...$ как двусоставного не убедительна из-за отсутствия доказательств существования в тюркских языках наречного или падежного аффикса $-ga \sim -gi$. Трудно также согласиться с тем, что данный аффикс появился вследствие переразложения или преобразования деепричастий. Более приемлема гипотеза Н. П. Дыренковой и А. З. Абдуллаева о развитии аффикса $-ya\dot{g}i \sim -ka\dot{g}i...$ из самостоятельного слова. В пользу нее свидетельствует относительно широкая распространенность семантических переходов типа «рука > сторона» (ст.-азерб. *apı\dot{q} sa\dot{y} kolı\dot{n}a va\dot{r}dım* 'я пошел на его правую сторону'; азерб. диал. *äl* 'сторона'⁴⁵, ср. аффикс направительного падежа $-alla$ в

³⁸ W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, стр. 31, 32, 65.

³⁹ Э. В. Севортян. Категория падежа. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», II. М., 1956, стр. 60. См. также: О. В. Захарова. Дательный-направительный падеж в языке «Кутадгу билиг». — «Ученые записки филологического факультета Кыргызского государственного университета», 3. Фрунзе, 1957, стр. 73; Г. Ф. Благова. Тенденции к усложнению тюркского падежного склонения (Опыт сравнительно-типологического изучения). — «Вопросы языкознания», 1970, № 1, стр. 68; К. Н. Menges. The Turkic Languages and Peoples, стр. 11.

⁴⁰ S. Duran. Türkçede çihet ve mekân gösteren ek ve sözcükler. — «Türk dili araştırmaları yillığı. Belleten». Ankara, 1956, стр. 4, 5; R. R. Arat. Türkçede çihet meihumu ve bunın ile ilgili tabirler. — «Türkiyat mecmuası», XIV (ayrı basım). İstanbul, 1965, стр. 1.

⁴¹ Н. Х. Ишбулатов. Морфологические особенности казашевского говора. — «Башкирский диалектологический сборник». Уфа, 1959, стр. 131.

⁴² К. Каримов. Категория падежа в языке «Кутадгу билиг», стр. 8.

⁴³ А. Боржаков. Түркмен дилинде ат чалышмасы. — «Известия АН Туркменской ССР, серия общественных наук». Ашхабад, 1962, № 3, стр. 66.

⁴⁴ Н. П. Дыренкова. Тофаларский язык. — В сб.: «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 12; Э. З. Абдуллаев. Түрк дилләриндә јөнлүк һал шәкилчисини мәнәшәји һаггында. — «Ученые записки Азербайджанского государственного университета. Серия языка и литературы», Баку, 1969, № 3-4, стр. 116.

⁴⁵ См.: А. Ш. Садыгов. Об одном неизученном памятнике азербайджанского языка XVI века. — «Советская тюркология», 1972, № 4, стр. 129.

чувашском языке), а также то, что все известные аффиксы направительного падежа в тюркских языках образовались довольно поздно из самостоятельных слов.

Аффикс $-ya\tilde{g} \sim -ka\tilde{g}$ — дальнейшее развитие аффикса $-ya\tilde{g}i \sim -ka\tilde{g}i...$ ⁴⁶. В Банг, будучи уверенным в существовании автономной формы направительного падежа с аффиксом $-g$, сохранившейся у причастий типа $taba\tilde{g}$, $alug$, $bil\tilde{u}g$ и $tarqu\tilde{g}$, $al\tilde{u}g$, разлагал $-ya\tilde{g}$ на $-ya$ и $-g$ ⁴⁷.

Большой интерес представляет вопрос об отношении к аффиксу $-ya\tilde{g}i \sim -ka\tilde{g}i...$ аффикса дательного падежа $-ya \sim -ka$. По существу он был поставлен еще в конце прошлого столетия, и ответом на него явились попытки разложить аффикс направительного падежа на два односложных аффикса. Безусловно, есть основания связывать аффикс $-ya \sim -ka$ с аффиксом направительного падежа: обращает на себя внимание не только внешнее сходство с последним, но и близость семантических функций, чем, кстати сказать, и было обусловлено постепенное вытеснение им аффикса $-ya\tilde{g}i \sim -ka\tilde{g}i...$ из числа продуктивных морфологических показателей. Однако аффикс $-ya \sim -ka$ должен рассматриваться не как компонент аффикса $-ya\tilde{g}i \sim -ka\tilde{g}i...$, а как его разновидность, хронологически более поздняя, чем все другие разновидности, кроме $-a$ ($-ya\tilde{g}i > -ya\tilde{g} > -ya > -a$)⁴⁸. Характерно, что аналогичным изменениям подверглась форма направительного падежа в хакасском языке и его диалектах ($-sar\tilde{y} > -sar > -s\tilde{a} \sim -sa$)⁴⁹.

В заключение вернемся к вопросу о степени целесообразности этимологического исследования аффиксальных морфем. Очевидно, уровень грамматикализации ряда морфологических элементов в тюркских языках таков, что материалы последних могут сыграть важную роль в изучении процесса образования грамматической формы вообще.

⁴⁶ См.: W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, стр. 79.

⁴⁷ W. Bang. Vom Köktürkischen zum Osmanischen. Vorarbeiten zu einer vergleichenden Grammatik des Türkischen. 1. Mitteilung: Über das türkische Interrogativpronomen. Berlin, 1917, стр. 48 и сл.

⁴⁸ См.: А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 85. См. также: Э. З. Абдуллаев. Түрк дилләриндә jөнлүк һал шәкилчисинин мәншәји һаггында, стр. 116.

⁴⁹ См.: Д. Ф. Патачакова. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка, стр. 153, 157.